

Люстра

Category: Heкаýalar, Kitapcy, Satiriki heкаýalar

написано kitapcy | 23 января, 2025

Люстра ЛЮСТРА

Я часто встречаю в кофейне маленького, толстого человека, но кто он, не знаю.

Все началось с продажи домашнего скарба. Мы с женой рассортировали наши вещи: в одну кучу – необходимые, в другую – менее важные, и наконец, в третью – ненужные. Продавали те, которые считали ненужными. Вскоре, решив, что нам почти ничего не нужно, продали все, оставили лишь книги, кровати и несколько кастрюль.

Когда хозяин все же выселил нас по суду за неуплату, я отправил жену и детей в дом к тестю. А так как с тестем с самого начала у меня были плохие отношения, я мог приходить к семье только после того, как в доме все лягут спать. Мы заранее договорились, что дверь будет открывать жена.

И вот однажды после полуночи я подошел к дому тестя и тихо постучал в дверь. Она тут же открылась, но передо мной была не жена, а сам тесть. Он открыл дверь, и не произнес ни слова, выключил свет и ушел. Я пробирался в темноте, споткнулся и упал. Ощупью попытался определить, на что я свалился. Определил – на книги. Поднялся и пошел, держась за стенку. Услышал женский крик. Это крикнула жена. Открыл дверь в комнату, из которой доносился голос тестя, и увидел свою жену – она плакала, глаза у нее были красные и опухшие.

– Пусть он заберет из моего дома свои книги, иначе я их сожгу!
– угрожал тесть. – От них нет никакого проку, раз он не в состоянии прокормить детей, так пусть не стучится в мою дверь. Вот с того-то дня я и повадился ходить в кофейню. Маленький, толстый человечек, так же как и я, приходил туда утром и проводил весь день.

Однажды он появился только после обеда. В руках у него была люстра с пятью рожками. Он поставил ее на стол и выпил чашку кофе. С того дня он всегда приходил в кофейню с люстрой.

Поставит ее на стол и сидит допоздна, а потом забирает люстру и уходит.

На следующий день я увидел, что в люстре недостает стеклянной чашечки, вероятно, она разбилась. На другое утро остались только две стеклянные чашечки и пять ламп. А еще через три дня – уже не было ни одной чашечки и ни одной лампы. В руках у маленького, толстого человечка был лишь металлический остов. Незнакомец не расставался с этим бронзовым скелетом, который качался у него в руках, как вешалка, что висела в кофейне.

Так как я не мог зайти в дом тестя, мы с женой встречались в парках, на улице и разговаривали стоя. Решение тестя было окончательным: пока я не смогу прокормить своих детей, он запрещает мне даже разговаривать с их матерью. Если же я не найду работу и у меня не будет денег длительное время, он, возможно, возбудит дело о разводе.

Я был согласен на любую работу, на все, что могло дать деньги. Но куда бы я ни обращался, всюду получал отказ. Однажды я встретил своего старого приятеля. Как и всем, я рассказал ему о своем положении.

– Какая бы ни была работа, я согласен на все, даже таскать камин на стройке, – сказал я.

Приятель посочувствовал мне:

– Уж если тебе все равно, тогда займись торговлей, хотя бы мелкой, вразнос. Продавай носовые платки, носки – заработаешь себе на жизнь. Приходи завтра ко мне, я тебе дам пятьсот лир. И сразу же принимайся за дело!

Я взял его адрес, и мы расстались. Я готов был плясать от радости. Кто в наше время даст пятьсот лир! Значит, еще не перевелись хорошие люди.

Утром я, как обычно, зашел в кофейню. Вскоре появился маленький, толстый человечек со своим стержнем от люстры в руках. Он сел около меня и поставил остов на стол. Мы уже давно здоровались.

– Как поживаете? – приветствовал он меня.

– Благодарю, а как вы? – спросил я. И, будто невзначай, поинтересовался: – Извините меня, пожалуйста, за любопытство, но скажите, что это вы не расстаётесь с этой люстрой? Я всегда

вижу ее у вас в руках.

– Вот эта? Эта подлюга?! Это горе мое, а не люстра!

– Да-а-а?.. – протянул я с удивлением.

– У нее длинная история, – начал он рассказ. – Когда у человека начинают плохо идти дела, то поправить их оказывается трудно, даже невозможно!.. Так случилось и со мной, я потерял работу. Кстати, когда я и работал, мы тоже с большим трудом сводили концы с концами. У нас не было никаких сбережений. А вот остался без работы, и начали по-настоящему бедствовать. У меня жена и двое детей...

– И у меня, – сказал я грустно.

– Вы не знаете, что такое бедствовать. . – Как не знаю, у меня то же самое!

– Сначала мы распродали наши вещи. Разделили их на необходимые, менее необходимые и ненужные. Начали с ненужных. Через некоторое время поняли, что ни одна вещь нам не нужна, и продали все.

– Как странно!.. Точь-в-точь как у нас!

– Остались только книги, кровати и кое-какая посуда. Когда за неуплату хозяин по суду выбросил нас на улицу...

– Вы, наверно, отправили вашу жену и детей к тестю?

– Откуда вы знаете?

– Я так же поступил!

– Да, я отправил их к тестю. С ним у меня с самого начала не сложились отношения.

Человек слово в слово рассказывал мою жизнь. Я с удивлением слушал его. После полуночи он отправился в дом к тестю. Вместо жены дверь ему отворил тесть. Потушил свет. Маленький, толстый человечек упал в темноте на книги. Все, как со мной, до мельчайших подробностей. Уму непостижимо такое совпадение. Уж не подслушал ли он мою историю и сейчас насмехается надо мной?

– Знаю, знаю, короче! – закричал я. – Не растягивайте, расскажите о люстре.

– Расскажу и о ней. Однажды я встретил своего старого приятеля.

– Может быть, он дал вам пятьсот лир?

– Да! Но откуда вы это знаете? Я никому этого не рассказывал.

– А откуда вы знаете? Я тоже никому не рассказывал!

– Я говорю о том, что произошло со мной.

– Хорошо, вы получили пятьсот лир?

– Получил!

– А я еще не получал, скоро пойду за ними. Расскажите, что произошло затем.

– Когда я шел к приятелю, я чуть не падал от голода. За два дня я выпил только два стакана чаю. Приятель ссудил пятьсот лир. «Я расшибусь, буду работать и заработаю денег. В кратчайший срок верну долг», – сказал я. «Спешить не надо. Главное, чтобы ты занялся каким-нибудь делом», – ответил он. Я поблагодарил и ушел.

Я хотел купить на рынке два-три ящика персиков, груш и продать их. Это обошлось бы мне в сто, сто пятьдесят лир. Я не хотел пускать в оборот сразу все деньги.

Когда я проходил мимо ресторана, мой взгляд задержался на кушаньях, которые были выставлены на витрине. Я еле держался на ногах. Я решил хорошенько поесть! На три лиры можно досыта наестся. Но я боялся менять деньги. Я не имел на это права. Стоит только разменять, они растаят, и я останусь ни с чем.

Когда я проходил мимо шашлычной, в нос мне ударил аппетитный запах. Я не мог удержаться, вошел и... поспешно повернул назад. Нужно сначала заработать, а потом есть! У булочной меня одурманил аромат свежего хлеба. Что, если купить хлеба? Нет, я не имею права.

Я остановился перед торговцем бубликами. Они были свежие, хрустящие. Не купить ли один? Нет! Я должен заработать сначала, вырвать из рук тестя жену и детей.

Стояла сильная жара... И когда проходил мимо продавца шербетом, я чуть было не попросил стаканчик лимонада со льдом. Но вовремя опомнился и прошел мимо. «Мой тесть увидит, какие великие дела я сотворю на эти пятьсот лир, и еще пожалеет, что так плохо относился ко мне», – мечтал я.

Я умирал от жажды, но, боясь разменять деньги, не выпил даже стакана воды за десять курушей. Я не садился в трамвай, ходил всюду пешком.

Я пришел на крытый рынок. Мимо бедестана – той части большого

базара в Стамбуле, где торгуют драгоценностями, оружием и старинными вещами, – я прошел, не останавливаясь. На открытом аукционе, где обычно происходит распродажа старых вещей, стояла толпа. Время близилось к вечеру. Рано утром, думал я, приду на рынок, куплю персики, груши и начну торговлю. Сегодня у меня еще не было дел. Я мог пойти в кофейню, но зачем зря тратить деньги на чай и кофе? Вот я и решил пойти на бедестан и посмотреть, как идет распродажа, а заодно убить время. К тому же я никогда не бывал там.

Как и все, я прошел в зал. На ступеньках сидели люди. Подобно другим, присел и я. Вещи, предназначенные для продажи, и аукционист были у всех на глазах. Аукционист достал из вороха вещей фотоаппарат и громко объявил:

– Фотоаппарат марки «Ролейфлекс», объектив два с половиной, почти не был в употреблении, в рабочем состоянии. Оценен в триста лир. Триста лир! Желющие? Триста...

– Триста десять! – закричал кто-то со ступенек. – Триста десять, господин!.. Триста десять, триста десять... – объявил аукционист.

– Триста пятнадцать! – закричал другой. Из разных мест поднялись голоса:

– Дам триста двадцать!

– Четыреста пятьдесят!..

На некоторое время аукцион затих. Аукционист продолжал:

– Продан за четыреста пятьдесят. Фотоаппарат марки «Ролейфлекс» с запасным объективом и треножником.

Человек, сидевший в зале, обратился к аукционисту:

– Разрешите посмотреть аппарат.

Аукционист протянул ему аппарат. Человек, повертев его в руках, сказал:

– Четыреста шестьдесят!

– Четыреста шестьдесят две!

– Четыреста восемьдесят!.. Кто больше!.. Продан, продан, про-о-о-д-дан!

Ударил молоток. Чиновник протянул купившему фотоаппарат квитанцию, записал фамилию и получил деньги. Следующей вещью была пишущая машинка.

– Исправная пишущая машинка марки «Ремингтон»!.. Оценена в шестьсот лир!.. Шестьсот лир!

– Шестьсот десять!

– Шестьсот пятьдесят!..

Никогда в жизни я не видел более волнующего зрелища. По мере того как росла цена, росло и напряжение.

– Шестьсот пятьдесят пять!

– Семьсот десять!

Я был так увлечен, так возбужден, что, не помня себя, крикнул:

– Семьсот пятьдесят!

У меня получилось это так громко, что я сам испугался собственного голоса.

Аукционист, глядя на меня, объявил:

– Семьсот пятьдесят! Кто больше! Продается за семьсот пятьдесят, продается, про-о-о-да...

Вдруг раздается голос:

– Семьсот пятьдесят одна!

– Ох! – вздохнул я с облегчением.

Что было бы, если б машинка осталась со мной! У меня ведь всего-навсего пятьсот лир! Пишущая машинка была продана за семьсот восемьдесят лир.

Аукционист выставил ручную швейную машинку. Ее оценили в пятьсот лир. Первая опасность обошла меня. Увлеченный возбуждением толпы, я сдерживал себя, чтобы снова не сунуться в игру.

– Пятьсот десять!

– Пятьсот двадцать!

– Шестьсот!

Последним крикнул я. Все головы повернулись ко мне. Меня будто обдало кипятком. Как получилось, что я снова вылез? Человек, сидевший рядом со мной, сказал:

– Она не стоит шестисот лир!

– А тебе какое дело? Разве не я буду платить?! – ответил я ему.

– Я механик, поэтому... – начал он и вдруг заорал: – Шестьсот одна!

Вторично меня обошла беда.

На продажу выставили вазу. При каждой новой цифре я подпрыгивал. Чтобы не закричать, зажимал рот руками. После вазы была продана картина, написанная маслом, потом пылесос.

Аукционист поднял люстру.

– Пятирожковая люстра, исправная!.. Оценена в сорок лир!.. Кто даст больше? Сорок лир!

– Сорок одна!

Человек слева от меня выкрикнул:

– Сорок две!

Человек, сидевший справа от меня:

– Сорок пять!

Человек впереди меня:

– Сорок восемь!

Человек сзади меня:

– Пятьдесят!

Я уже больше не мог сдерживать себя и закричал:

– Пятьдесят одна!

Атмосфера была так накалена, что не было сил сдержаться.

Человек справа:

– Пятьдесят три.

Слева:

– Пятьдесят пять.

Невольно я закричал:

– Шестьдесят!

Боже, я изо всей мочи стараюсь себя сдержать, но разве это в моих силах?

– Семьдесят!

– Семьдесят пять!

Теперь мы уже заупрямились, и я сам не знаю как, выкрикнул:

– Восемьдесят!

– Сто! Слева:

– Сто пятьдесят!

Я:

– Двести!

Кричим то он, то я. Только он набавляет одну-две лиры, а я пять-десять.

– Двести семьдесят!

После каждой новой цифры я молился: «Дай бог, чтобы он еще прибавил, пусть вещь достается ему».

– Двести девяносто!

– Если он скажет: «Двести девяносто одна», – я не прибавлю ни куруша.

– Двести девяносто одна!

Не в силах себя сдержать, я закричал:

– Триста!

Постепенно возрастая, цена перевалила за четыреста. Человек, сидевший рядом со мной, сказал:

– Четыреста девяносто одна!

Я закричал:

– Пятьсот!

Во мне словно кричал кто-то другой. Если человек скажет: «Пятьсот одна», – я замолчу. У меня не было ни курушем больше. И что бы вы подумали?!

Человек будто знал, сколько у меня денег в кармане, и говорит:

– Берите на здоровье!

В зале наступила тишина. Аукционист:

– Пятирожковая люстра!.. За пятьсот лир... Кто больше? Когда он сказал: «Кто больше?» – я посмотрел каждому в лицо. Не нашлось ни одного честного человека, который бы произнес: «Пятьсот одна», – чтобы меня спасти. У одного зашевелились губы, – может быть, мне так показалось? Я сказал, желая ему помочь:

– Господин, вы, кажется, что-то собирались сказать?!

– Нет, ничего! – ответил он.

Будто его слово что-то изменит! Ни у кого не осталось совести.

При продаже других вещей аукционист медлил, на этот же раз он поспешно крикнул:

– Продано, продано! – и ударил молотком.

Потом он сразу протянул мне квитанцию, записал мою фамилию и адрес. Я даже не успел двинуться, как он оформил покупку, взял мои пятьсот лир и всучил мне пятирожковую люстру. Человек, который состязался со мной, стоял рядом.

– Пользуйтесь на здоровье, вы купили хорошую вещь! – сказал он.

– Откуда вы знаете, что она хорошая? – спросил я.

– Как мне не знать, я же ее владелец!

– Я вижу, что вы оказались в затруднительном положении и вам пришлось ее продать. Жаль!.. Хотите я вам возвращу люстру за четыреста девяносто лир?

– Вам повезло, я не смею лишать вас такой удачи! – ответил он.

– Мне совсем не нужна люстра, дайте четыреста и забирайте ее, – сказал я.

– Пользуйтесь на здоровье! – сказал он и ушел.

– Послушай, бери за триста! – крикнул я ему вслед, но он даже не обернулся.

Я ушел с люстрой. Я знал, что купил вещь за бешеную цену, что у меня нет ни кола, ни двора, но я не знал, что мне делать с этой проклятой люстрой? Я понес ее в торговый ряд, где продают настольные лампы и люстры.

– Сколько же вы за нее хотите? – спросили у меня.

– Она дорогая, но я уступлю за шестьсот! – сказал я. Перекупщики рассмеялись.

– Мы тебе дадим таких новых десятков!

Так я и остался с люстрой. Под вечер мы с женой встретились в парке. Она мне говорит:

– Отец сказал: «Или убирайтесь, или разводись». Ты должен немедленно найти работу.

Я показал жене люстру и сказал:

– Не беспокойся, осталось терпеть совсем немного. Самое страшное позади. Я тебе готовлю дом, отец твой удивится. Вот смотри, я даже люстру купил для нашего дома, смотри, какая она красивая, с пятью рожками...

Жена встала со скамейки, посмотрела на меня, и попрощавшись повернулась и убежала.

С того дня я все хожу с этой люстрой. Мне негде ее оставить, и никто не хочет ее купить. Таскаю эту штуковину всюду за собой, стекла и лампы разбились, остался только железный остов с пятью рожками. Я, братец, об одном жалею: имел пятьсот лир и даже хорошенько не поел! Стакана воды не выпил! Эх, душа бы так не болела!

Я с состраданием посмотрел на маленького, толстенького

человечка. Настало время идти к приятелю, который мне обещал пятьсот лир. Я вышел из кофейни. По дороге я все время думал об одном: как могло случиться, что жизнь маленького, толстенького человечка оказалась похожей на мою, как две капли воды.

Наверно, это и вас заинтересует. Так знайте: маленький, толстенький человечек, купивший на аукционе пятирожковую люстру за пятьсот лир, не кто иной, как я сам. Но чтобы никто не смеялся над моей глупостью, я говорю, что этот случай произошел с другим человеком!..

Азиз НЕСИН. Satiriki hekaýalar